

Дмитрий Аверкиев

Г. Костомаров разбивает народные кумиры

Дмитрий Васильевич Аверкиев

Г. Костомаров разбивает народные кумиры

«Г. Костомаровъ, учоный пользующійся въ Петербургѣ большой извѣстностью, любимецъ петербургской публики, написалъ, какъ извѣстно по порученію здѣшней Академіи Наукъ, статью для „Мѣсяцеслова“ на 1864 г. Эта статья успѣла въ короткое время прославиться чуть-ли не больше всѣхъ другихъ трудовъ почтеннаго ех-професора и по справедливости заслужила позорную извѣстность. Статья эта вызвала замѣчаніе г. Погодина въ 4 Но „Дня“ и такимъ образомъ повела къ длинной полемикѣ, окончившейся 2-го марта статью г. Костомарова, напечатанной въ № 62 „Голоса“. Въ этой полемикѣ приняли косвенное участіе два петербургскіе журнала, выразившіе своими замѣчаніями впечатлѣніе, произведенное споромъ двухъ учоныхъ на петербургскую публику...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0015
III.....	.0019
IV.....	.0025
V.....	.0037
VI.....	.0052
VII.....	.0056

**Аверкиев Дмитрий
Васильевич
Г. Костомаров разбивает
народные кумиры**

*И тако начаша упиватись граждане и
ругатися нѣкими образы безстудны-
ми.*

(Ник. IV. 134).

Г. Костомаровъ, учоный пользующійся въ Петербургѣ большой извѣстностью, любимецъ петербургской публики, написалъ, какъ извѣстно по порученію здѣшной Академіи Наукъ, статью для «Мѣсяцеслова» на 1864 г. Эта статья успѣла въ короткое время прославиться чуть-ли не больше всѣхъ другихъ трудовъ почтеннаго ех-професора и по справедливости заслужила позорную извѣстность. Статья эта вызвала замѣчаніе г. Погодина въ 4 Но «Дня» и такимъ образомъ повела къ длинной полемикѣ, окончившейся 2-го марта статьею г. Костомарова, напечатанной въ № 62 «Голоса». Въ этой полемикѣ приняли косвенное участіе два петербургскіе журнала, выразившіе своими замѣчаніями впечатлѣніе, произведенное споромъ двухъ учоныхъ на петербургскую публику.

Какъ самая полемика, такъ и замѣчанія петербургскихъ журналовъ весьма знаменательны и по нашему мнѣнію, заслуживаютъ полнаго вниманія читателей. Сперва скажемъ о менѣе важномъ.

Въ Петербургѣ есть цѣлый класъ существъ, которыхъ русскіе, живущіе въ этомъ городѣ, прозвали *общечеловѣками*. Эти *общечеловѣки* существа до того цивилизованные, что отрѣшились отъ всякихъ предразсудковъ и, постоянно обрѣтаясь въ возвышенныхъ сферахъ мечтанія, низкимъ для себя полагаютъ принадлежать къ какому-нибудь народу. Дѣйствительно ни съ однимъ народомъ нѣтъ у нихъ ничего общаго, даже языка. Ихъ хлѣбомъ не корми, подавай только какое хочешь обличеніе: всякій скандалъ, всякое заушеніе историческаго лица для нихъ праздникъ. Имъ дѣла нѣтъ до правды, — имъ нравится самый процессъ оскандализованія извѣстной личности, — хотя они въ то же время большіе хитрецы и не прочь при случаѣ посмѣяться надъ обличеніями. Имъ статья г. Костомарова понравилась до нельзя.

— Читали вы отвѣтъ Костомарова? спрашивалъ меня одинъ такой *общечеловѣкъ*.

— Къ несчастію, отвѣчалъ я.

— Какъ къ несчастію? Помилуйте, прекрасный отвѣтъ, перебилъ онъ.

— Къ несчастію, продолжалъ я, отвѣтъ

этотъ написанъ не на замѣчанія Погодина; я готовъ отдать полную справедливость г. Костомарову: онъ весьма искусно отлыниваетъ отъ отвѣта.

— Этого я не могу сказать; я не читалъ Погодинской статьи, но Костомаровъ отвѣчалъ отлично. Димитрій-то, Димитрій каковъ молодецъ, а? Запрятался подъ дерево! Ха-ха-ха!

Чему это онъ радуется? подумалъ я, и сталъ было вразумлять общечеловѣка, но онъ не далъ мнѣ сказать и трехъ словъ.

— Да развѣ вы занимались русской исторіей? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

Изумленіе это ясно говорило: а меня Богъ миловалъ.

Я почоль излишнимъ продолжать разговоръ. Я даже не спросилъ общечеловѣка на какомъ основаніи онъ произноситъ сужденіе о предметѣ ему извѣстномъ, ибо сіи существа дѣлаютъ то, что имъ *нравится*, а заниматься умственнымъ шалопайствомъ для нихъ самое любезное дѣло.

Вѣроятно читателямъ не разъ приходилось вести подобные разговоры.

Мнѣніе этихъ общелюдей нашло себѣ от-

кликъ въ нашей журналистикѣ, ибо нѣтъ такой пошлости или глупости, на которую не откликнулась-бы наша современная журналистика. Жаль, что нѣтъ подъ руками одного изъ двухъ вышеупомянутыхъ журналовъ; по поводу полемики гг. Костомарова и Погодина тамъ выражено весьма курьезное мнѣніе; впрочемъ смыслъ этого мнѣнія мы передадимъ совершенно точно, и читатель лишится только краснорѣчивой фразы. Смыслъ-же (или вѣрнѣе безсмыслица) таковъ: "Что намъ за дѣло до Куликовской битвы, да и до битвъ вообще!"

Не правда-ли какъ прогрессивно? Дѣйствительно, почтенному журналу нѣтъ дѣла до битвъ; его больше интересуютъ мордобитія, о которыхъ онъ повѣствуетъ весьма краснорѣчиво и которыя онъ воспѣваетъ въ пошлыхъ стишонкахъ.

Другой журналъ, отличающійся въ противоположность первому, весьма легкомысленному, необыкновенною тяжеловѣстностью мыслей, выразился о спорѣ двухъ ученыхъ подобнымъ образомъ: "мы полагаемъ, что г. Погодинъ правъ, но думаемъ, что виновать

не г. Костомаровъ, а г. Погодинъ."

Въ чемъ-же вина г. Погодина по мнѣнію этого увѣсистаго, но весьма почтеннаго органа? Въ томъ, что онъ сказалъ, и совершенно справедливо, что г. Костомаровъ не долюбливаетъ Москвы.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ самому предмету этой статьи, мы считаемъ не лишнимъ разъяснить и этотъ пунктъ.

Г. Костомаровъ весьма обидѣлся на замѣчаніе г. Погодина о томъ, что онъ не долюбливаетъ Москвы. Такъ въ первомъ своемъ отвѣтѣ (Голосъ № 32) онъ говоритъ: "покрайней-мѣрѣ при описаніи такихъ отдаленныхъ событій, какъ куликовская битва, авторы должны быть изъяты отъ подозрѣній въ неблагонамѣренности своихъ взглядовъ... Иначе невозможно заниматься исторіей."

Весьма жаль, что г. Костомаровъ употребилъ слово "неблагонамѣренность;" оно на современномъ журнальномъ языкѣ получило такой неприличный оттѣнокъ и такъ часто употребляется журнальными башибузуками, что уважающему себя учоному слѣдуетъ остерегаться употреблять его.

Мы замѣнимъ его словомъ: "недобросовѣстность" и надѣемся ниже доказать, что именно въ недобросовѣстности должно не только заподозрить, но и обвинить г. Костомарова за его "описанія такихъ отдаленныхъ событій, какъ куликовская битва." Мы увидимъ какъ онъ искажаетъ факты, приводитъ изъ лѣтописей только тѣ изъ нихъ, которые бросаютъ на Дмитрія мнимую тѣнь, умалчивая о другихъ; при томъ, онъ вообще лишонъ способности обращать вниманіе на *совокупность* фактовъ. Какой-бы извѣстностью ни пользовался учоный, — но если онъ, подобно г. Костомарову, искажаетъ факты, — то нельзя назвать его добросовѣстнымъ. Мы не говоримъ, чтобы это искаженіе было злоумышленнымъ со стороны г. Костомарова; готовы даже утверждать, что онъ трудится весьма прилежно, желаетъ по мѣрѣ силъ разъяснить нашу исторію, бросить новый свѣтъ на многія событія, — но что-же дѣлать, если онъ не обладаетъ необходимыми для этого — ни силою, ни учоностью?

Развѣ не желаніе провести новый взглядъ

заставило г. Костомарова написать статью о происхожденіи Руси изъ Литвы? Къ несчастію, онъ не обладалъ и вѣроятно продолжаетъ не обладать необходимыми для этого знаніями, и его учоная фантазія разлетѣлась въ пухъ и прахъ. Онъ желалъ также доказать, что Поляне и Новгородцы одно и то же, но доказалъ единственно незнаніе основныхъ правилъ филологіи. Онъ писалъ и о Горѣ-Злосчастіи, и о Сусанинѣ – но къ чему вспоминать старое? Вообще, у г. Костомарова всегда охота смертная сказать что-нибудь "новенькое". Онъ всегда схватится за одинъ какой-нибудь фактъ, раздуетъ его въ гору, построитъ на немъ цѣлую статью, а на другіе факты не обратитъ никакого вниманія.

И такъ желаніе сдѣлать во что бы то ни стало открытіе – весьма сильно мѣшаетъ г. Костомарову.

Во-вторыхъ, у г. Костомарова есть какая-то индіосикразія къ Москвѣ; въ его статьѣ о Куликовской битвѣ, какъ нарочно примѣры этому встрѣчаются на каждомъ шагу. Весьма можетъ быть что эта индіосикразія въ настоящемъ случаѣ только кажущаяся; самое

открытие, сдѣланное г. Костомаровымъ, въ этой статьѣ, было такого рода, что подъ впечатлѣніемъ его онъ поневолѣ видѣлъ все въ черномъ свѣтѣ. Но тѣмъ не менѣе, шпилекъ Москвѣ въ статьѣ не мало, и г. Погодинъ не могъ не замѣтить этого.

Еслибы г. Костомаровъ ограничился только вышеприведеннымъ нами намекомъ, то мы даже не обратили бы на этотъ пунктъ спора никакого вниманія, но къ несчастію г. Костомаровъ позволилъ себѣ, во второмъ своемъ отвѣтѣ, сказать, что въ статьѣ г. Погодина есть *ученополицейская* сторона. Отчего это г. Костомаровъ замѣтилъ только во второй статьѣ г. Погодина полицейскій тонъ?

Обвиненіе въ нерасположеніи къ Москвѣ высказано г. Погодинымъ въ первой его статьѣ.

Чѣмъ тонъ этой второй статьи болѣе полицейскій, чѣмъ первой? И *въ чемъ* этотъ полицейскій тонъ, въ томъ, что г. Погодинъ не вѣритъ въ любовь г. Костомарова къ Москвѣ? Но какъ вѣритъ въ этомъ человѣку, не обращающему вниманія на представленныя ему возраженія, бросающемуся изъ стороны въ

сторону для подтвержденія своего ни на чемъ не основаннаго мнѣнія? И будто любовь или не любовь къ Москвѣ XIV вѣка подлежитъ вѣдомству полиціи? Кого это г. Костомаровъ удивить хочетъ?

Лучше бы г. Костомарову серьезно взглянуть на дѣло, перечестъ еще разъ Никоновскую лѣтопись, которой онъ отдаетъ преимущество; при внимательномъ чтеніи онъ, надѣмся, увидѣлъ бы всю шаткость своихъ доказательствъ, — а не то поневолѣ думается, что г. Костомаровъ нашолъ полицейскій тонъ въ статьѣ г. Погодина единственно для того, чтобы расположить въ свою пользу читателей.

Мы спросимъ г. Костомарова для чего онъ писалъ свою статью о Куликовской битвѣ? Какія новыя истины онъ высказалъ въ ней? Объяснилъ-ли онъ ее значеніе лучше своихъ предшественниковъ? Новаго-то найдется весьма немного, да и то подлежитъ великому сомнѣнію; при чтеніи ясно одно: желаніе бросить тѣнь на Димитрія и на Москву вообще; желаніе это столь сильно, что авторъ сообщаетъ только неблагопріятныя для Москвы фак-

ты и для этого даже, какъ увидимъ, искажаетъ слова лѣтописей.

Но впрочемъ, любить-ли г. Костомаровъ Москву рѣшительно все равно и это никого ни опечалить, ни обрадовать не можетъ. Весьма прискорбно только что онъ недобросовѣстно обращается съ фактами.

Что противъ этого скажутъ разсужденія г. Костомарова о любви къ отечеству, сравненіе г. Погодина со старой лошадыю, разсужденія о Пелисье, Канроберѣ и другихъ генералахъ? Или г. Костомаровъ полагаетъ, что онъ сказалъ дѣльную мысль, объявивъ, что "дѣло историка не курить фиміамъ передъ народными кумирами, а разбивать ихъ?" О, какая великая мысль, достойная быть записаною, какъ примѣръ риторическаго краснорѣчія! Разбивать кумиры, можетъ быть, и пріятно, не знаемъ; добросовѣстное изученіе, конечно, не столь пріятно, но навѣрно гораздо полезнѣе.

Приступимъ теперь къ разбору самой статьи и поучимся у г. Костомарова тому какъ ученые люди *разбиваютъ народные кумиры*.

Исходнымъ пунктомъ возрѣній г. Костомарова мы считаемъ слѣдующее мѣсто. Рассказавъ о раздѣленіи орды въ началѣ княженія Димитрія, онъ говоритъ:

"Въ это время было естественно и Руси, входившей въ число ханскихъ владѣній, по примѣру отложившихся частей, покуситься на отторженія, и, конечно, знамя возстанія должно было подняться на Москвѣ. Московскій князь былъ уже признаваемъ отъ хана намѣстникомъ Русскаго міра; Московскій великій князь естественно могъ и долженъ былъ захотѣть такъ же сдѣлаться независимымъ, въ качествѣ особаго хана, какъ дѣлали другіе". (Мѣсяц. стр. 6).

Вотъ по истинѣ новый взглядъ на русскую исторію. Москва и вообще платившая дань часть Руси, по г. Костомарову, составляла часть Орды, — это новость. Орда стала распа-

даться и Московскій великій князь сдѣлалъ попытку сдѣлаться отдѣльнымъ ханомъ, какъ напр. Тогай! Но это прелестно! Исторія Руси – исторія части Орды. Изъ этого можно вывести преинтересныя заключенія. Можно напр. сказать, что около Москвы не собиралась русская сила, что Русь вообще не крѣпла, а стала въ послѣдствіи свободной единственно вслѣдствіе распаденія Орды. Удивительно какъ это ея послѣдующая исторія не похожа на исторію другихъ ханствъ. Жаль, что такое великое открытіе сдѣлано г. Костомаровымъ мимоходомъ. Развитіе этой исходной мысли было бы крайне поучительно и интересно.

Г. Костомаровъ между прочимъ забылъ въ своей статьѣ упомянуть о томъ, что распавшаяся Орда соединилась подъ Мамаемъ и что Дмитрій началъ борьбу со всею Ордою.

У него просто сказано: "Въ то время Мамай пересталъ ставить куколь, называемыхъ ханами или царями. Онъ самъ назвался наконецъ царемъ (стр. 10)". Забывчивость удивительная, особенно въ историкѣ, разбивающемъ народные кумиры.

Впрочемъ, небрежность изложенія не

рѣдкость у г. Костомарова. Такъ на той же страницѣ у него сказано: "Тогда (въ битвѣ на Вождѣ) поймали Москвичи какого-то измѣнника; былъ онъ Иванъ Васильевичъ, тысяческаго сана сынъ, и шолъ изъ Орды съ татарами на своихъ собратій. У него нашли цѣлый мѣшокъ зелья, должно быть, какъ думали, лихаго, и послѣ распроса послали его въ заточеніе на Лачь – озеро въ Каргополь, въ Новгородскую землю".

Что за небрежность изложенія! Г. Костомаровъ позабылъ что онъ самъ говорилъ на стр. 7 объ Иванѣ Васильевичѣ и называетъ его "какимъ-то измѣнникомъ". Притомъ, вовсе не его поймали тогда; какъ-же это г. Костомаровъ, писавши эти строки, не вспомнилъ что Иванъ Васильевичъ былъ казненъ въ слѣдующемъ году въ Москвѣ? Вѣроятно, онъ понадѣялся на свою память и при писаніи статьи не справлялся съ источниками. Иначе, какъ возможно было перековеркать такое ясное извѣстіе "изымаша же тогда на войнѣ той нѣкотораго попа отъ орды пришедша Ивана Васильевича, и обрѣтоша у него злыхъ и лютыхъ зѣлей мѣшокъ; и истязавше его мно-

го, и послаша въ заточеніе на Лачь озеро, идѣже бѣ Данило заточенникъ. (П. С. Р. Л. VIII. 33)?

Примѣры подобной небрежности встрѣчаются на каждомъ шагу; мы не станемъ нарочно отыскивать, но поневолю наткнемся на нихъ.

Разсмотримъ теперь отношенія г. Костомарова къ Дмитрію. Постарался ли онъ хотя нѣсколько обрисовать характеръ этого великаго князя? ясны ли читателю поступки его? Увы! даже и попытки объяснить характеръ Дмитрія нѣтъ у г. Костомарова. Двѣ черты замѣтилъ онъ въ Дмитріѣ: именно, что онъ «не отличался пылкой отвагою» и любилъ барыши. Насчетъ «пылкой отваги» послѣ, а теперь насчетъ бырышничества, тѣмъ болѣе, что и при этомъ г. Костомаровъ не могъ не исказить факта, вѣроятно вслѣдствіе своей любви къ Москвѣ, историческаго безпристрастія и другихъ подобныхъ причинъ, о которыхъ онъ такъ краснорѣчиво пишетъ. Вотъ что сказано у г. Костомарова: "Въ ордѣ былъ тогда (1371) сынъ Михаила Александровича (тверскаго); онъ тамъ задолжалъ; московскій князь выкупилъ его, привезъ въ Москву и отпустилъ только тогда, когда отецъ его, соперникъ Дмитрія, заплатилъ ему за свободу сына десять тысячъ рублей, конечно съ значительнымъ барышомъ противъ то-

го, за сколько его выкупилъ изъ орды Московскій великій князь. (стр. 7). Откуда это конечно и въ тоже время извѣстіе, что тверской великій князь заплатилъ десять тысячъ рублей? Въдѣ по лѣтописямъ эту именно сумму заплатилъ Дмитрій за князя Ивана въ Ордѣ. Напрасно г. Костомаровъ надѣется на свою память: этакъ онъ дойдетъ до того, что придется каждый сообщаемый имъ фактъ заподозрѣвать въ искаженіи. Вотъ напр. какъ сказано объ этомъ фактѣ въ Воскресенской лѣтописи: «выведе же съ собою (Дмитрій) изъ орды княже Михайлова сына Тверскаго князя Ивана, окупивъ его у Тотарь въ долгу, дасть на немъ десять тысящъ рублевъ серебра, еже есть тма, и приведе его на Москву, посади на митрополичье дворѣ Алексѣевѣ, и седѣ нѣколикo донелиже выкупиша его.» О томъ же въ *Тверской* подѣ 6880 годомъ: «А князь Дмитрей послалъ въ Орду, высулиша князя Ивана Михайловича, сына Александровича, и приведоша на Москву, заговѣвъ Филипову заговѣнню; начаша его дрѣжати въ истомѣ». (П. С. Р. Л. XV, 433) И ниже, подѣ 6881" Той же зимы сътворися мѣръ князю великому Михаи-

лу съ княземъ великимъ Дмитріемъ, и отпусти сына съ Москвы князя Ивана съ любовію." (Idem, 434).

Вотъ вамъ и *конечно!* гдѣ-же барышъ? Объ немъ упомянула бы хоть Тверская лѣтопись. Какъ же поминутно встрѣчая подобныя искаженія не заподозрить г. Костомарова въ недобросовѣстности?

И такъ, одна черта характера Дмитрія изобрѣтена г. Костомаровымъ, — что же касается до отсутствія *пылкой отваги* — то это черта отрицательная и ничего не рисующая. Г. Костомаровъ въ послѣдствіи сталъ смѣлѣе и прямо называетъ въ «Голосѣ» Дмитрія трусомъ, сравниваетъ его съ Фольстафомъ и т. п.

Г. Костомаровъ не понялъ характера Дмитрія, или даже просто не хотѣлъ понять. Въ первомъ своемъ отвѣтѣ г. Погдину, г. Костомаровъ говоритъ: "Вамъ-бы хотѣлось, чтобы онъ (т. е. Дмитрій) былъ богатырь, герой, исполненъ всевозможнѣйшихъ добродѣтелей: что же? *И мнѣ того же хотѣлось бы* (Г. 32)" Какъ это нѣжно, особенно со стороны историка, разбивающаго народные кумиры. Видно съ такими миндальными

требованіями и приступаль г. Костомаровъ къ Дмитрію и разсердился на него за то, что онъ небыль исполненъ всевозможнѣйшихъ добродѣтелей. Въ своемъ желаніи унизить Димитрія г. Костомаровъ часто доходитъ до смѣшнаго. По разказу г. Костомарова, Димитрій въ 1371 г. когда Мамай далъ Михаилу Тверскому ярлыкъ на Владимірское великое княжество «тотчасъ побѣжалъ въ Орду, просилъ, кланялся и склонилъ татарскую власть въ свою пользу поклонами и подарками?» Это сказано на стр. 9; а на 8 разказано весьма просто какъ было дѣло. Гдѣ-же тотчасъ Дмитрій побѣжалъ въ Орду? онъ даже не поѣхалъ во Владиміръ къ ханскому послу. Даже по числамъ можно разсчитать все: пришоль изъ Орды Михаилъ Александровичъ съ ярлыкомъ 10 апрѣля (тв. 430), а Дмитрій поѣхалъ въ орду 15 іюня (воскр. 18), т. е. черезъ два мѣсяца и то потому что тверской великій князь послалъ въ орду сына своего Ивана. Ему нечего было особенно кланяться; онъ поѣхалъ съ деньгами. «Князь великій Дмитрей въ орду поиде, и подаваа серебра много отъ великаго княженія (тв. 430)». Не

очень-то нужно было кланяться въ орду князю, который вѣроятно при этомъ уговорился съ Мамаемъ платить меньшей «выходъ?»

Г. Костомаровъ, рассказывая о негодованіи русскихъ князей на Тверскаго великаго князя во время похода 1375 года за то, что онъ нѣсколько разъ "приводилъ ратью" зятя своего Ольгерда Гедиминовича на Москву и сложился теперь съ Мамаемъ, — прибавляетъ: "но Дмитрій прежде сносился съ тѣмъ же Мамаемъ и это не представлялось опаснымъ. Ясно, что московская политика умѣла представить князьямъ и вообще Русской землѣ предосудительнымъ въ другихъ то, что оправдывала за собой (стр. 8)" Что-же предосудительнаго было въ сношеніяхъ Дмитрія съ Мамаемъ, приводилъ-ли онъ враговъ на русскую землю, подсылалъ-ли къ Мамаю людей подобныхъ Ивану Васильевичу и Никомату? Чего же было бояться рускимъ князьямъ сношеній Дмитрія съ ордою? Не потому-ли, что онъ сталъ платить меньшей "выходъ"?

Встрѣчая безпрестанно подобныя выходки нисколько не удивляешься, когда г. Костомаровъ почти что сердится на Дмитрія за то,

что онъ поспешилъ и далъ мало денегъ Ма-
маю.

Не мудрено, что при такомъ вниканіи въ
смыслъ фактовъ г. Костомаровъ дошелъ до
мнѣнія, что Димитрій трусь.

IV

«Димитрій, какъ показываютъ всѣ дѣла его, не отличался пылкой отвагой», — говоритъ г. Костомаровъ.

Что такое нужно разумѣть подъ этой *пылкой отвагой*, неизвѣстно. И что это за особенно важное качество, эта пылкая отвага, что отсутствіе ее можно составить характеристическую черту человѣка? Не отличался ею Димитрій, и слава Богу; она ненужна была ему; отважный князь въ это время много бы зла принесъ русской землѣ; онъ началъ-бы дѣло освобожденія преждевременно, и хорошо, еслибы при немъ случился, какъ при Владимірѣ Андреевичѣ во время куликовской битвы опытный бояринъ Дмитрій Михайловичъ {Какъ это г. Костомаровъ не обвинить Д. М. въ трусости, или какъ онъ выражается, въ отсутствіи пылкой отваги?}, который сдержалъ-бы его пылъ.

Не пылкою отвагою, а твердымъ умомъ, выдержанностію воли, знаніемъ обстоятельствъ и умѣніемъ пользоваться ими отличались московскіе князья. Въ Дмитріѣ видѣнь

ясно внукъ Калиты; типъ Калиты облагородился въ немъ. На его памяти нѣтъ такого пятна, какъ дѣло тверскаго великаго князя Александра Михайловича. У Дмитрія больше смѣлости, прямоты въ дѣйствіяхъ, чѣмъ у его дѣда. Онъ сознавалъ свою силу. "Умными очами" (Новг. I) смотрѣлъ онъ на дѣло. Соперниковъ опасныхъ между другими великими князьями ему не было; Михаилъ Тверской самъ своею неумѣlostью портилъ возможный успѣхъ своего дѣла и постоянно "оставался въ дуракахъ", по выраженію г. Костомарова. Олегъ Рязанскій былъ въ слишкомъ исключительномъ положеніи и не пытался стать во главѣ Руси; но это былъ соперникъ сильный, умный и Димитрій дѣйствовалъ относительно его чрезвычайно осторожно и умно; неучастіе Олега въ Куликовской битвѣ повело къ заключенію между ними мира. Въ 1386 г. видя неудачу Рязанской войны и въ тоже время задумавъ походъ къ Новгороду, — онъ заключилъ съ Олегомъ, хотѣвшимъ, по лѣтописному выраженію, добра не Москвѣ, "а своему княженію", вѣчный миръ. Воспитанный митрополитомъ Алексѣемъ, Димитрій

быль богомоленъ, "отъ юныя врьсты Бога взлюби и духовныхъ прилежаше дѣлехъ"; благочестивъ болѣе на дѣлѣ, чѣмъ на словахъ, что наивно выражено въ витіеватомъ словѣ о его житіи и преставленіи: "аще и книгамъ не ученъ сый добрѣ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имаше"; хотя въ значеніи въ митрополиты Митяя онъ и не совсѣмъ любезно обошелся съ духовенствомъ, за то и въ разсказѣ объ этомъ (воскр. л.) проглядываетъ явное неудовольствіе духовенства; какъ Калита, онъ заставлялъ церковь помогать ему въ дѣлахъ мірскихъ. Въ частной жизни, онъ "тѣло свое чисто съхрани до женидѣбы", и послѣ женидѣбы; любилъ, какъ его соперникъ Олегъ, пиры (но не *попойки*, какъ полагаетъ г. Костомаровъ); изъ себя былъ человекъ ражый; вѣроятно, очень добродушный и веселый, какъ большинство толстяковъ; говорилъ всегда толково, не хвастая ни мало; десять разъ отмѣривалъ, одинъ отрѣзывалъ; начиналъ войну, увѣренный въ успѣхъ; отъ неудачи духомъ не падалъ; неудалась Рязанская война, удался походъ къ Новгороду; не отличался *пылкой отвагой*, но былъ храбръ и

умѣлъ постоять за себя. Истый москвичъ. Владиміръ Андреевичъ былъ, можетъ, и отважнѣе и храбрѣе, но никакъ не умнѣе Дмитрія.

"Димитрій, говоритъ г. Костомаровъ, какъ показываютъ всѣ дѣла его, не отличался пылкой отвагой. Онъ оскорбѣлъ и опечалился зѣло (узнавъ, что Мамай идетъ войной) – говоритъ лѣтописецъ – и началъ прежде всего молиться." (Календ. стр. 11). Затѣмъ, г. Костомаровъ, не говоря ни слова о распорядительности Дмитрія; слѣдуетъ никоновской лѣтописи, гдѣ митрополиту Кипріану приписывается не только мысль о походѣ, но и всѣ распоряженія Дмитрія, все дѣлается по совѣту Кипріана; и собирается войско, и посылаются послы къ Мамаю. Г. Костомаровъ полагаетъ, что сношенія съ Кипріаномъ подвергаются "сомнѣнію именно потому, что, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ списковъ, Кипріанъ пріѣхалъ позже" (т. е. въ слѣдующемъ году, 1381). Извѣстіе это можно подвергнуть сомнѣнію и подругимъ причинамъ. По расчету времени, нѣтъ ничего невозможнаго, что Кипріанъ и могъ быть уже въ Москвѣ, но

онъ никакъ не могъ въ такое короткое время получить такое расположеніе Димитрія, (который не долюбливалъ его), чтобы онъ не только совѣтовался съ нимъ, но и исполнялъ всѣ его совѣты безпрекословно. Если принять извѣстіе никоновской лѣтописи, то Кипріянь пріѣхалъ въ Москву 4 мая 1380 г... Мамай перешолъ черезъ Воронежъ лѣтомъ, въ концѣ іюня или въ началѣ іюля (не позже), слѣдовательно вліяніе на великаго князя онъ долженъ былъ пріобрѣсть въ два мѣсяца. При томъ же это извѣстіе только въ *одной* Никоновской; а въ добавокъ въ самой никоновской лѣтописи, хронологія нѣсколько въ этомъ случаѣ сбивчивая. На стр. 77 (IV) читаемъ, что черезъ семь мѣсяцовъ по прибытіи Кипріана пріѣхалъ Пимень митрополить т. е. въ 1380 г, а на стр. 129 пріѣздъ Пимена назначенъ въ 1381 г. согласно со всѣми другими лѣтописями.

Итакъ, извѣстіе о разговорѣ Кипріана съ Димитріемъ по полученіи извѣстія о переходѣ Мамайа черезъ Воронежъ – весьма сомнительно. Кипріянь является въ этомъ разговорѣ весьма распорядительнымъ, какимъ далѣе въ

повѣсти является самъ Димитрій.

Но во всякомъ случаѣ, на основаніи этого разговора нельзя прійти къ заключенію, выраженному г. Костомаровымъ. "Наконецъ, если это извѣстіе выдуманное, и тогда оно имѣетъ значеніе, какъ образчикъ духовной мудрости вѣка, какъ взглядъ, который дѣйствительно имѣли и могли имѣть тогда православные духовные, когда они заботились о вѣрѣ и объ исполненіи ея уставовъ болѣе чѣмъ о земномъ отечествѣ, входящемъ въ кругъ мірскихъ дѣлъ."

Сказать этого и вообще нельзя, а тѣмъ болѣе вывести подобное заключеніе изъ разговора великаго князя съ митрополитомъ, какъ онъ приведенъ въ Никоновской лѣтописи. Есть тамъ и витійство, и даже сильное (и это заставляеть полагать, что разговоръ сочиненъ), какъ вообще въ началѣ повѣсти, — но участіе Кипріяна къ мірскимъ дѣламъ выставлено ярко: князь только исполняетъ его приказанія, и даже представленъ человекомъ, незнающимъ за что на него возсталъ Мамай; агнцемъ невиннымъ, просто — качество, которымъ не отличались

московскіе князья. Либо надо было передать весь разговоръ либо совсѣмъ не упоминать о немъ; изъ того отрывка, который приведенъ у г. Костомарова, еще можно вывести вышеприведенное заключеніе, но изъ самаго разговора нельзя.

Задавшись подобною идеею, г. Костомаровъ невѣрно смотритъ и на игумена Сергія. "Вѣрный православному смиренію, предпочитавшій лучше златомъ и серебромъ отдѣлаться отъ враговъ, чѣмъ отваживаться на кровопролитіе, за столомъ преподобный Сергій сказалъ великому князю: "Почти дарами и честью нечестиваго Мамаю; Господь видитъ твое смиреніе и вознесетъ тебя, а его неукротимую ярость низложитъ". Надо замѣтить, что раньше, по лѣтописи, Сергій говоритъ князю "да дастъ тебѣ Господь Богъ и пречистая Богородица помощь; не отъ этой еще побѣды носить тебѣ вѣнецъ съ вѣчнымъ сномъ; прочимъ-же многимъ безъ числа готовятся вѣнцы съ вѣчною памятью". Этихъ словъ у г. Костомарова не приведено, а между тѣмъ они отгѣняютъ приведенные у него слова. И за тѣмъ, г. Костомаровъ опять опускаетъ

слова Сергія, сказанныя въ отвѣтъ на слова Димитрія "я уже поступилъ такъ, но онъ тѣмъ болѣе съ великою гордостію возносится, а именно: "если такъ, то ждетъ его конечное погубленіе и запусѣніе, тебѣ же отъ Господа Бога и пречистыя Богородицы и святыхъ его помощь милость и сила".

На основаніи совѣта окончить дѣло мирно съ Мамаемъ, еще нельзя обвинять духовенство, что оно не заботилось о земномъ отечествѣ. Преподобный Сергій, по крайней мѣрѣ, весьма о немъ заботился. Онъ предсказалъ побѣду и такимъ образомъ придалъ Димитрію болѣе увѣренности въ успѣхъ дѣла; онъ и въ приведенномъ не вполнѣ г. Костомаровымъ разговорѣ не очень упрашиваетъ Димитрія примириться съ Мамаемъ; онъ желалъ только увѣриться вполнѣ ли правъ Димитрій, не слишкомъ ли самодѣянно, гордозаносчиво поступаетъ онъ и узнавъ, что Димитрій поступаетъ, хорошо обдумавъ дѣло, благословилъ его. Сергій и раньше и послѣ доказывалъ, что онъ заботился о земномъ отечествѣ; пусть г. Костомаровъ вспомнить кто былъ посланъ въ 1365 г. въ Нижній Новго-

родъ объявить Андрею Константиновичу князю Нижегородскому, чтобъ онъ ѣхалъ судиться съ братомъ своимъ Дмитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ къ Дмитрію Ивановичу; кто уговорилъ въ 1386 г. Олега Ивановича заключить съ московскимъ великимъ княземъ вѣчный миръ? Что это за охота у г. Костомарова не обращать вниманія на совокупность фактовъ. Чуть ему придетъ какая мысль въ голову, онъ ее и печатаетъ, не повѣривъ предварительно.

Кстати о почтеніи Мамаю дарами. Въ календарѣ г. Костомаровъ говоритъ слѣдующее: "Димитрій послалъ въ орду посла Захарія Тулчева {У г. Костомарова въ календарѣ онъ названъ Пулчевымъ, а въ Голосѣ Тульчинымъ.} съ двумя толмачами. Онъ везъ покорную грамоту и дань Мамаю; *но дань была не въ той пропорціи, въ какой хотѣлъ получить властитель*, думавшій о возстановленіи блеска и силы Кипчака. Посоль этотъ едва вступилъ на Рязанскую землю, какъ узналъ, что Олегъ предался Мамаю и извѣстилъ объ этомъ Димитрія. Не говорится въ сказаніяхъ, продолжалъ ли посоль свой путь далѣе и какъ

принялъ его Мамай. Уже въ послѣдствіи оказывается, что Мамай отвергъ *умѣренную дань*, предъ окончательнымъ опустошеніемъ {Котораго не было. Что за небрежность изложенія.} и завоеваніемъ земли русской (стр. 12).

Что Мамай не принялъ дани можно видѣть только изъ разговора Дмитрія съ Сергіемъ; что она была послана по уговору Дмитрія съ Мамаемъ, кажется, быть сомнѣнія не можетъ; иначе не понятенъ отвѣтъ Дмитрія ханскимъ посламъ, требовавшимъ дани, какая при Джанибекѣ платилась; въ Никоновской лѣтописи посылка дани приписана совѣту Кипріана, но объ этомъ обстоятельстве мы уже говорили; Мамай, вѣроятно, не надѣялся на уступку Дмитрія потому что продолжалъ наступательное движеніе, — но ему важно было выиграть время, чтобъ успѣть соединиться съ Олегомъ и Ягейллоемъ.

Разсказъ г. Костомарова въ календарѣ согласенъ съ источниками, — но въ послѣдствіи когда г. Костомарову захотѣлось, доказать, что Димитрій былъ трусъ и изъ трусости началъ только войну, онъ не устыдился напи-

сать слѣдующее:

"Узнавши, что вся русская земля дружно {Будто вся?} встаетъ противъ него, Мамай послалъ къ Дмитрію требовать выхода въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ онъ давался при Узбекѣ и Джанибекѣ; Димитрій (какъ всегда водилось въ московщинѣ) старался выторговать выгоднѣйшія условія и предлагалъ выходъ въ томъ видѣ, въ какомъ положено было платить по прежнему договору съ Мамаемъ. Послы, по волѣ Мамаю, не согласились и ушли. Димитрій подумалъ, посовѣтовался и послалъ къ Мамаю Захарія Тульчина и двухъ толмачей, а съ ними *злата и сребра много*. Мамай не принялъ. Почему онъ не принялъ? Потому, говоритъ сказаніе, что надѣялся на Ягейла и на Олега рязанскаго. Что же послалъ ему великій князь Московскій? На какую дань соглашался Димитрій? По смыслу выходитъ, что на ту, какой требовалъ Мамай. Иначе, какъ Дмитрію послать Мамаю то, чего Мамай не принялъ уже разъ черезъ своихъ пословъ? Что же оставалось тогда дѣлать Дмитрію? Вѣдь онъ соглашался покориться, да покорности-то его не принимали. Конечно,

даться. Тутъ у него не было рѣшимости: тутъ была неизбежность, крайняя необходимость. И потому-то нельзя приписывать его храбрости то, что онъ пошелъ на войну противъ Мамаю?" (Гол. 62).

Что это значить? Почему въ календарѣ сказано одно, а въ Голосѣ другое? Почему при этомъ не объяснена причина переменъ мнѣнія? Вѣдь, это нѣчто въ родѣ ученой передержки. Конечно, у г. Костомарова произошло это единственно отъ зудливаго желанія доказать во чтобы то ни стало свою идейку. И это безпристрастіе, любовь къ исторіи?

Мнѣніе, что рѣшимость Димитрія идти противъ Мамаю есть собственно трусость до того курьезно, — что опровергать его даже странно. Мы замѣтимъ только еще разъ, что г. Костомаровъ лишонъ способности обращать вниманіе на совокупность фактовъ.

Теперь объ участіи Димитрія въ битвѣ и о его личной храбрости.

Собственно на этомъ пунктѣ и основана полемика г. Костомарова съ г. Погодинымъ. Бѣда, надо сказать правду, съ обѣихъ сторонъ. Г. Погодину нечего было сердиться и главное не на чѣмъ было пускаться въ разсужденія о генералахъ Пеллиси и Канроберъ. Врага слѣдуетъ поражать его собственнымъ оружіемъ. Доказательства мужества (но не пылкой отваги) Димитрія слѣдовало основать на Николаевской лѣтописи. Г. Костомаровъ весьма остроумно отвергаетъ сказаніе о битвѣ, помѣщенное въ IV томѣ (оно и въ воскресной лѣтописи) Полнаго Собранія Лѣтописей. Тамъ побѣда приписана помощи агентовъ, тамъ мало характеристическихъ чертъ и все описаніе весьма похоже, напр. на описаніе битвы на рѣкѣ Сальницѣ (см. Ипатьевскую лѣтъ. стр. 2). Насъ-же интересуютъ не столько подробности полемики двухъ ученыхъ, сильно понадѣявшихся на память, сколько самая битва, хотя мы повидимому,

будемъ слѣдить по этой полемикѣ за ходомъ битвы.

Ошибки обоихъ ученыхъ происходятъ отъ того еще, что они не уяснили себѣ характера Димитрія. Одинъ смотритъ на него по Карамзину; другой желаетъ отыскать въ немъ отсутствіе пылкой отваги. Въмѣсто фактовъ оба пускаются въ водянистыя и ни къ чему неприводящія разсужденія о храбрости вообще.

1) Рѣчи и поведеніе Димитрія во время предшествовавшее битвѣ.

Ясно показываютъ, что онъ былъ мужественъ. Г. Костомаровъ не отвергаетъ этого, но говоритъ, что если судить по рѣчамъ, то и Фольстафъ храбрый человѣкъ (Голосъ № 32). Изъ этого заключаемъ, что г. Костомаровъ незнакомъ съ личностью Фольстафа, ибо по рѣчамъ сего послѣдняго о его храбрости развѣ миссисъ Квикли заключить можетъ. Что хвастливаго нашель г. Костомаровъ въ рѣчахъ Димитрія. Твердая увѣренность звучитъ въ нихъ. «Лѣпо намъ, братія, положить головы за православную вѣру христіанскую, чтобъ не запустили церкви наши, да не буде-

мъ разсѣяны по лицу земли, а жены наши и дѣти не отвѣдутся въ плѣнь, на томленіе отъ поганыхъ. Да умолитъ за насъ Сына Своего и Бога нашего Пречистая Богородица». Это-ли хвастливая рѣчь? Какая простота и твердость! Великость предпринимаемаго дѣла, сознаніе этой великости, твердая увѣренность и упованіе – вотъ что заставляеть говорить такія рѣчи. Такъ-ли говорили пьяные русскіе люди за рѣкою Пьяною?

"Находились многіе, повѣствуетъ г. Костомаровъ (стр. 17), у которыхъ осторожность брала верхъ надъ отвагою; они все еще настаивали, чтобъ оставаться", т. е. не перевозиться за Донъ.

Что-же сказалъ имъ Димитрій?

Димитрій (*idem*) сказалъ имъ: "честная смерть лучше злого живота. Ужъ лучше было вовсе не идти противъ безбожныхъ татаръ, чѣмъ пришедши сюда и ничего не сдѣлавши, назадъ возвращаться."

И вслѣдъ за этимъ г. Костомаровъ съ воодушевленіемъ продолжаетъ: "И присталь великій князь къ совѣту Олгердовичей, и рѣшились переправляться за Донъ, отважить-

ся на крѣпкій бой, на смертный бой, побѣдить враговъ, или безъ поворота всѣмъ пропасть. Въ первый разъ со времени Батыева ига, Русь, собранная въ видѣ воинственныхъ дѣтей своихъ, рѣшилась предпочесть смерть рабству."

О комъ же г. Костомаровъ говоритъ съ такимъ одушевленіемъ? Неужели о князѣ, который, по его мнѣнію, изъ трусости пошолъ на Мамаю?

О, художественность, увлекающаяся первой фразой, первымъ фактомъ, неспособная создать типа, неспособная къ спокойному изученію и созерцанію! Это самая низкая степень художественной способности; истинный художникъ умѣетъ обуздывать себя; онъ заклинатель своихъ собственныхъ силъ.

О, самолюбіе, готовое двадцать разъ переиначивать фактъ, единственно ради защиты своего маленькаго мнѣннца.

За тѣмъ *трусъ* отправляется, наканунѣ битвы, въ полѣ между двумя станами вдвоемъ съ Дмитріемъ Волынцемъ.

Боброкъ предсказываетъ ему побѣду; за тѣмъ слѣдуютъ другія предзнаменованія побѣды. И этотъ князь струситъ, ибо г. Косто-

марову такъ покажется: г. Костомаровъ забудетъ все, когда увидить его безъ чувствъ подь деревомъ.

2) Фактъ переодѣванія.

Г. Костомаровъ, начиная разсказывать о переодѣваньи, уже предвкушаетъ свое открытіе, и потому *умалчиваетъ* о томъ, что князь Ѡздиль въ сторожевой полкъ.

"И начаша прежде съзжатись сторожевыя полки руския съ татарскими; самъ же князь великии напередъ въ сторожевыхъ полцехъ Ѡздяше, и мало тамо пребывъ возвратись пакы въ великии полкъ (Ник. IV, 112)".

Можетъ быть, г. Костомарову требуется, чтобы Димитрій остался въ сторожевомъ полку? Къ счастью, Димитрій былъ человекъ умный и воротился въ большой полкъ, чтобы ободрить воиновъ на битву и "прослезились всѣ они, и укрѣпились, и были мужественны, какъ летающіе орлы, какъ львы, рыкающіе на татарскіе полки." Обладай Димитрій пылкой отвагой такого сорта, какая нравится г. Костомарову, онъ бы долженъ остаться въ сторожевомъ полку и пожалуй быть тамъ убитымъ.

Г. Костомаровъ напрасно выпустилъ также и то обстоятельство, что полки устроилъ воевода Димитрій Вольнецъ Боброкъ.

Объѣхавши полки Димитрій пріѣхалъ подъ свое великокняжеское черное знамя — мы слѣдуемъ г. Костомарову — помолился образу Спасителя, написанному на знамени, сошолъ съ коня, отдалъ коня боярину своему Михаилу Бренку, снялъ съ себя княжескую приволоку (плащъ) и надѣлъ на Бренка, велѣлъ ему сѣсть на коня своего, а своему рынделю (знаменоносцу) приказалъ нести передъ собою {Не совсѣмъ вѣрно переданъ лѣтописный рассказъ; см. ниже.} великокняжеское знамя. Повѣсть говоритъ, что окружающіе великаго князя упрашивали его стать въ безопасномъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ только смотрѣть на битву и давать ей ходъ {Отчего это слово переводится г. Костомаровымъ бѣжалъ? Онъ такъ спорилъ о словѣ бѣжалъ.}; но великій князь отказался отъ этого, и говорилъ: «Я у васъ первый надъ всѣми; я болѣе всѣхъ васъ получалъ всего добраго и теперь долженъ первый съ вами тѣрпеть.» Но *кажется*, думаетъ г. Костомаровъ, что

Димитрій нарядилъ своего боярина великимъ княземъ съ тою именно цѣлью, чтобы сохранить себя отъ гибели и еще болѣе отъ плѣна, потомучто враги узнавши великаго князя по знамени и по приволокѣ, употребляли-бы всѣ усилія, чтобы схватить его. *Иного побужденія быть не могло* (стр. 19 и 20).

Какъ у г. Костомарова легко это *кажется* перешло въ *быть не могло* – что за игривость мыслей!

Но однако посмотримъ на сколько справедливы эти "кажется" и "быть не могло."

Гдѣ стояло великокняжеское знамя? разумѣется, не въ великомъ полку, ибо сказано, что Димитрій, осмотрѣвъ полки, пріѣхаль подъ него, – гдѣ-же? Бояре совѣтуютъ ему стать "назади", или на "крыль", или гдѣнибудь на "опришеномъ мѣстѣ"; въ подобномъ мѣстѣ и знамя стояло. Димитрій былъ толстъ, и очень, не мудрено, что онъ снялъ съ себя приволоку и "царскую утварь", – а пошолъ сражаться въ однихъ латахъ. И еслибъ онъ хотѣлъ себя переодѣваньемъ спасти отъ гибели, то для чего было ему отдавать на гибель своего любимаго наперстника Михаила Брен-

ка? Будто у него не было бояръ, которыхъ онъ не долюбливалъ? Тутъ немного надо логики, чтобы видѣть, что не погубить, а сохранить Бренка желалъ великій князь.

3) Когда былъ убитъ Михаилъ Брен- нокъ?

Г. Костомаровъ рассказываетъ такъ (стр. 20).

"Татары стали одолѣвать. Москвичи, небывальцы въ браняхъ, какъ называетъ ихъ Новгородскій лѣтописецъ, въ страхъ пустились въ розсыпную. Татары погнались за нами, и увидѣвши черное великокняжеское знамя, направили туда всѣ свои усилія; добрались, изрубили знамя и убили Михаила Бренка, котораго по одеждѣ приняли за великаго князя.

Какъ мало строкъ и какъ много пылкой отваги – виновать – фантазіи!

Г. Костомаровъ *позабылъ*, а) что передъ этимъ: «много отъ сановитыхъ великихъ князей и бояръ и воеводъ, аки дрeвеса клоняхуся на землю». Напрасно же онъ говоритъ въ возраженіи, что князья, бояре, и воеводы были убиты, когда всѣ побѣжали?

б) что великаго князя Димитрія уже два раза сбили съ коня и «уязвша зѣло» (Н. IV. 114) и онъ *притруденъ* вельми, *изыде* {Очевидно опечатка, слѣдуетъ передъ нимъ.}, съ побоища *едва* въ дубраву."

в) что послѣ этого сказано "Татарове же начаша одолѣвати."

г) Новгородскій лѣтописецъ и не думалъ называть Москвичей "*небывальцами въ браняхъ*", а говоритъ "москвичи же *мнози* небывалцы" (Нов. I. стр. 92), согласно съ другими лѣтописцами. Дѣйствительно, много небывальцовъ было въ войскѣ.

д) что Татары направили всѣ свои усилія и т. д. учоная фантазія г. Костомарова.

Итакъ, когда же былъ убитъ Бренокъ? Когда Татары начали одолѣвать. Значить, онъ не въ опасномъ мѣстѣ стоялъ. Или г. Костомаровъ станетъ увѣрять, что Димитрій зналъ впередъ, что это именно случится? Еслибы онъ и зналъ, все бы лучше ему поставить не любимца, а кого другого? Дмитрій былъ очень уменъ. Отчего бы ему не поставить на гибель на примѣръ своего боярина большого Юрія Васильевича Кочевина Олешина, на ко-

торого онъ гнѣвался по дѣлу Пимена. (Никонов. IV. 77).

3) Димитрій былъ раненъ, но не смертельно.

Въ тѣхъ лѣтописяхъ, гдѣ побѣда приписывается ангеламъ, то что Димитрій не былъ раненъ приписывается чуду. Такого мнѣнія и Карамзинъ держался. Но и въ приводимыхъ Карамзинымъ лѣтописяхъ, либо, какъ въ *Синодальной*; князя Литовскіе говорятъ послѣ битвы: «мнимъ, яко живъ есть, но уязвленъ», либо какъ въ *Ростовской* противорѣчіе «наидоша великаго князя въ дубровѣ велми язвена лежаще» и далѣе «на тѣлѣ его не бысть язвы». Г. Костомаровъ слѣдуетъ Никоновской лѣтописи: въ ней 4 раза сказано, что Димитрій былъ «язвенъ». У Арцыбашева есть извѣстіе, что великаго князя нашли въ одной сорочкѣ, всего въ крови, лежащаго подъ деревомъ.

Да, оно и естественно. Всѣ лѣтописи говорятъ согласно, что весь доспѣхъ великаго князя былъ избитъ, и только г. Костомаровъ въ состояніи вывести изъ этихъ согласныхъ извѣстій, что Димитрій "почувствовавъ

нѣскольکو ударовѣ, побѣжалѣ въ лѣсѣ."

Да, избить былъ весь Димитрій, два раза съ коня сбить, едва добрелъ до дубравы — вотъ въ чемъ согласны всѣ лѣтописи.

Въ *Никоновской* (IV стр. 119) сказано: "и много по главѣ его, и по плещима его, и по утробе его бьюще, и колюще, и секуще, но отъ всѣхъ сию Господь Богъ милостію своею... соблюде его *отъ смерти*; утруденъ же бысть и утомленъ отъ великаго буяннн татарскаго толико яко *близъ смерти*."

Самъ господинъ Костомаровъ упоминаетъ нѣскольکو разъ, что великій князь былъ раненъ, что не мѣшаетъ ему сказать на стр. 23, что у князя не нашли ранъ на тѣлѣ. Зачѣмъ тутъ пропущенъ эпитетъ: "смертныхъ"? О, любовь къ истинѣ!

И вотъ человекъ за то что его не убили до смерти величаютъ трусомъ. Надо-де разбивать народные кумиры, которыхъ у насъ нѣтъ. Дай намъ Богъ понять свою исторію, вѣрно изобразить типы, а то наши изслѣдователи только и дѣла дѣлаютъ, что разбиваютъ Карамзина, да и то не умѣло, не обладая вѣрнымъ чутьемъ.

4) Учасіе Димитрія въ битвѣ.

Мы уже указали на то, что онъ былъ дважды сбить съ коня, весь изъязвлевъ, но не до смерти. Далѣе, есть свидѣтельства объ этомъ отвѣчавшихъ на вопросъ Володимира Андреевича послѣ битвы: не видѣлъ ли кто великаго князя?

У г. Костомарова эти извѣстія перепутаны въ двухъ мѣстахъ, на стр. 21 и 22, но дѣло главное въ томъ, что онъ не отвергаетъ, что Димитрія видѣли *передъ самымъ приходомъ Володимера Андреевича*. Это очень важное дѣло; значить Димитрій былъ на полѣ сраженія почти до конца; т. е. до самаго выхода засады, рѣшившей участь сраженія.

5) Какъ попалъ Димитрій подъ новосрубленное дерево.

У г. Костомарова сказано: "Димитрій почувствовалъ на своихъ доспѣхахъ нѣсколько ударовъ, побѣжалъ въ лѣсъ, запрятался подъ срубленное дерево и тамъ улегся безъ чувствъ."

Г. Костомаровъ увѣряетъ, что это переводъ слѣдующихъ словъ Никоновской лѣтописи: "онъ же притруденъ вельми изыде

съ побоища *едва* въ дубраву, и вниде подъ новосъчено древо многовѣтвенно и листовенно, и ту скривъ себѣ лежаща на землѣ."

а) Идти черезъ силу (изыде *едва*) не значитъ *бѣжати*;

б) "вниде" и "запратался" никакъ не прійдутся въ тонъ;

в) "нѣскольکو ударовъ" не переводятъ "язвенъ зѣло" и "притруденъ"; и въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ г. Костомаровъ признаетъ, что Димитрій былъ раненъ, онъ вездѣ пропускаетъ "зѣло" или "вельми".

г) "улегся безъ чувствъ"! – это по русски безсмыслица; улечься можно съ комфортомъ, но безъ чувствъ можно упасть только.

д) въ разсказѣ о томъ какъ нашли Димитрія, у г. Костомарова не сказано "и наѣхаша великаго князя *бита вельми, едва точію дышаща*", а сказано "они замѣтили, что князь *дышетъ*" и прибавлено въ видѣ фантазіи «глаза его то открываются, то закрываются.» Эти «глаза» особенно хороши у г. Костомарова.

Однако, какъ попалъ Димитрій подъ новосрубленное дерево?

Въ извѣстїи *Никоновской* лѣтописи объ уходѣ великаго князя и о томъ какъ онъ скрылъ себя подѣ деревомъ, мы видимъ догадку лѣтописца. Въ самомъ дѣлѣ, кто это видѣлъ? Никто; еслибы видѣли, то сказали бы князю Володиміру и нечего бы искать Димитрія. Димитрій самъ ничего не помнилъ. Откуда же это извѣстіе? Оно не болѣе, какъ объясненіе. Это подтверждается еще тѣмъ, что догадка эта находится только въ *Никоновской*, а извѣстіе о томъ, что князя подѣ деревомъ нашли почти во всѣхъ.

Наконецъ, сама *Никоновская* лѣтопись столь много свидѣтельствуесть о мужествѣ Димитрія, что *совокупность* фактовъ не позволяетъ принять толкованія г. Костомарова.

Какъ попалъ Димитрій подѣ дерево не важно, но важно то, что его видѣли на побоищѣ передъ самымъ приходомъ Володимира Андреевича.

Притомъ же, не слишкомъ должно быть хорошо спрятался Димитрій, когда его нашли.

Или г. Костомаровъ скажетъ, что онъ *выползъ* передъ этимъ, но въ такомъ случаѣ мы посовѣтуемъ ему предложить, что Димитрій

еще до сраженія нарочно намѣтили гдѣ ему спрятаться и даже велѣлъ срубить на этотъ конецъ дерево. Торжество, такъ торжество: валяй во всѣ колокола.

6) Гдѣ было это дерево?

«Изыде едва въ дубраву.»

По описанію поля сраженія не видно, чтобы были двѣ дубравы; а кто стоялъ съ войскомъ въ дубравѣ? Пусть-ка припомнить это г. Костомаровъ. Не шоль ли Димитрій сказать, чтобы Володимиръ Андреевичъ и Боброкъ выходили изъ засады?

7) Обморокъ Димитрія объясняется физиологически.

Въ Никоновской лѣтописи, какъ будто нарочно тотчасъ послѣ того, какъ сказано, что Димитрія, «били, кололи и сѣкли по головѣ по плечамъ, и по утробѣ», слѣдуетъ его портретъ, гдѣ сказано, между прочимъ, что онъ былъ «чреватъ велми, и тяжель собою зѣло.» Ясно, что у человѣка такого сложенія, послѣ такого утомленія могъ сдѣлаться обморокъ. Да и не обморокъ, а просто человѣкъ былъ безъ чувствъ вслѣдствіе ранъ.

VI

Въ доказательство трусости Димитрія г. Костомаровъ приводитъ его бѣгство передъ нашествіемъ Тохтамыша.

Г. Костомаровъ приводитъ для этого извѣстіе первой новгородской лѣтописи, сущность котораго что Димитрій побѣжалъ на Кострому. Тоже извѣстіе и въ Тверской. Оба извѣстія краткія.

Г. Костомаровъ полагаетъ, что тирада объ оскуденіи воинства въ *Никоновской* лѣтописи приведена ради оправданія великаго князя, что онъ не трусь былъ. Оскудѣніе послѣ Куликовской битвы дѣйствительно было большое; вѣдь меньше чѣмъ въ два года трудно было поправиться. *Никоновская* лѣтопись сама себѣ впрочемъ противорѣчитъ здѣсь, говоря что Димитрій "собра вои многи;" не могъ онъ этого сдѣлать и по оскудѣнію всей земли, и потому что Тохтамышъ пришолъ набѣгомъ, быстро. Олегъ Рязанскій при изгонахъ Татаръ нѣсколько разъ бѣгалъ за Оку и однако г. Костомаровъ не обзываетъ его трусомъ.

Кромѣ того, г. Костомаровъ выпустилъ

извѣстіе, находящееся и въ *Никоновской* лѣтописи, что Димитрій *пошолъ* противъ Тохтамыша.

Согласное свидѣтельство *Новгородской четвертой* и *Воскресенской* лучше объясняютъ это дѣло: въ обоихъ показано, что Димитрій *выѣхалъ* изъ Москвы, чтобъ идти противъ Тохтамыша и началъ думу думать со всѣми князьями русскими, и обрѣлась въ нихъ разность, не хотѣли помогать. Димитрій былъ въ недоумѣніи и размышленіи, и было отчего. Олегъ, съ которымъ только что былъ заключенъ договоръ, по которому великіе князья взаимно обязались помогать другъ другу противъ Татаръ, встрѣтилъ Тохтамыша до его прихода въ землю Рязанскую; великій князь Димитрій Константиновичъ Суздальскій двухъ сыновей своихъ послалъ на поклонъ къ Тохтамышу. Вѣроятно и другія неудовольствія были. И поѣхалъ Димитрій въ Городъ свой Переяславъ, и оттуда черезъ Ростовъ, быстро на Кострому (Нов. IV, 85; Воскр. 43).

Для чего же спѣшилъ Димитрій въ Кострому? Для ради ли единой трусости? Г. Костома-

ровъ отвергаетъ что для сбора войска, но пусть онъ вспомнить, что 23 Августа пришли Татары подъ Москву – а шли они быстро – 26 взяли городъ обманомъ, – а въ началъ Сентября, "не по многихъ дней," уже московская рать шла на измѣнившаго договору Олега Рязанскаго.

Откуда же взялось войско? Изъ земли что ли выросло? Походъ на Рязань ясно показываетъ, что Димитрій не палъ духомъ. Онъ разсудилъ, какъ истый внукъ Калиты: не удалось противъ Тохтамыша, удастся противъ Олега.

Оставаться Димитрію въ Москвѣ, или вѣрнѣе возвращаться туда, было бы глупо. Онъ о землѣ своей радѣлъ, а не о томъ, чтобы прослыть отважнымъ храбрецомъ. И что за Ѳермопилы Москва? г. Костомарову хотѣлось бы, чтобы Димитрій на Леонида походилъ, – но во всякой землѣ, въ свое время, свои типы; гдѣ нужны Леониды, а гдѣ Дмитріи.

Замѣтимъ еще, что догадка Савельева-Ростиславича, что князь Остей былъ посланъ въ Москву Димитріемъ кажется намъ вѣроятною.

Наконецъ, еслибы Димитрій и остался въ

Москвѣ, – то что ручается, что она не была бы
взята точно также, тѣмъ же обманомъ?

VII

Покончимъ счеты. О личности Олега Ивановича и плохой услугѣ, которую ему г. Костомаровъ оказалъ, сказавъ, что *"даже съ желаніемъ освободить отечество и всю Русь отъ татарскаго ига, Олегу былъ расчетъ пристать къ Мамаю,"* — мы считаемъ излишнимъ распространяться. Мы отсылаемъ г. Костомарова къ прекрасному изслѣдованію г. Илловайскаго «Исторія Рязанскаго Княжества.» Тамъ личность великаго князя Олега Ивановича, хотѣвшаго добра своей землѣ, объяснена прекрасно, такъ же какъ и мнимая его измѣна передъ куликовской битвой. Перечтя это сочиненіе, г. Костомаровъ вѣроятно перестанетъ вѣрить многимъ извѣстіямъ напр. что Олегъ послѣ куликовской битвы бѣжалъ въ Литву.

Г. Костомаровъ не понимаетъ значенія Москвы въ исторіи земли русской, — и оттого его увлеченія и ошибки. Намъ кажется, что его изслѣдованія "удѣльновѣчеваго уклада" были бы гораздо удачнѣе. Намъ истинно прискорбно читать и разбирать статьи въ родѣ

"Куликовской битвы." Неужели г. Костомаровъ, подобно многимъ нашимъ профессорамъ, достигнувъ извѣстности, позволяетъ себѣ писать наобумъ?